

УДК 34.01

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS181130>

Научная статья

Коммуникативная теория права А.В. Полякова в условиях медиального поворота: структурные точки роста

С.В. Тихонова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Аннотация

Статья рассматривает точки роста коммуникативной теории права А.В. Полякова в условиях медиального поворота. Основной целью рассматриваемой теории была интеграция различных типов правопонимания, примиряющая противостояние юснатурализма, юспозитивизма и социологических теорий права. Ее семантическим ядром является понятие правовой коммуникации как взаимодействия между субъектами права, осознающими правомочия друг друга и признающими их. Медиальный поворот, связанный с тотальной цифровизацией, становится новым вызовом для коммуникативной теории права. Автор анализирует ее узловые моменты, в которых возможно расширение эвристического потенциала теории. Отправным моментом анализа является структура коммуникации, обращение к которой позволяет конкретизировать, расширить и дополнить исходные положения теории А.В. Полякова. В части теории, связанной с рассмотрением коммуникантов, А.В. Поляков вводит intersubjectивную фигуру Другого, благодаря которой правовая коммуникация ориентирована на контрагента. Однако здесь возможна иная фигуративность Другого, основанная на типизации полисубъектной коммуникации и комбинаторике классических форм коммуникации в промежуточных моделях. Рассмотрение канала коммуникации выявляет возможность калибровки избранного А.В. Поляковым широкого понимания текста как любой совокупности знаков, включенной в семиозис, узким пониманием текста как формы сообщения, опирающимся на идею М. Маклюэна о коммуникационных революциях. В этом случае открываются перспективы исследований, посвященных роли медиатекста в правовой коммуникации цифрового общества. Сообщение является материальной основой транспортировки смысла правовой коммуникации. Возможно расширение теории при анализе процессов интерференции смысла в пределах одного сообщения на основе методологии аэтопойэзиса Н. Лумана. Эффекты правовой коммуникации могут быть рассмотрены более панорамно при детализации системы блокировок коммуникации различного характера, концептуализируемых на основе теории социального конфликта Р. Дарендорфа. Структурный анализ коммуникации является как стратегией детализации ее признаков, так и, одновременно, методологическим приемом расширения теории через новые проекты методологических синтезов с социальными теориями.

Ключевые слова: философия права; теория права; коммуникативная теория права; правовая коммуникация; коммуникативная цепь; медиальный поворот.

Как цитировать:

Тихонова С.В. Коммуникативная теория права А.В. Полякова в условиях медиального поворота: структурные точки роста // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. № 1. С. 37–44. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS181130>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS181130>

Research Article

A.V. Polyakov's Communicative Theory of Law in the Conditions of the Medial Turn: Structural Points of Growth

Sophia V. Tikhonova

Saratov State University, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

ABSTRACT

This article concerns the points of growth of A.V. Polyakov's communicative theory of law in the conditions of a medial turn. The main purpose of the A.V. Polyakov theory was to integrate various types of legal understanding, reconciling the confrontation of natural law, positivism, and sociological theories of law. The semantic core of this theory is the concept of legal communication as an interaction between legal subjects who are aware of each other's rights and recognize them. The medial turn associated with total digitalization is becoming a new challenge for the communicative theory of law. The author analyzes its nodal moments, in which it is possible to expand the heuristic potential of the theory. The starting point of the analysis is the structure of communication, the treatment of which allows one to concretize, expand, and supplement the initial provisions of the theory of A.V. Polyakov. In the part of the theory related to the consideration of communicants, A.V. Polyakov introduces the intersubjective figure of the Other, thanks to which legal communication is focused on the counterparty. However, a different figurativeness of the Other is possible here, based on the typification of polysubject communication and the combinatorics of classical forms of communication in intermediate models. The examination of the communication channel reveals the possibility of calibrating A.V. Polyakov's chosen broad understanding of the text as any set of signs included in semiosis through a narrow understanding of the text as a form of communication based on M. McLuhan's idea of communication revolutions. In this case, the prospects for research on the role of media text in the legal communication of digital society open up. The message is the material basis for transporting the meaning of legal communication. It is possible to expand the theory by analyzing the processes of interference of meaning within a single message based on the methodology of N. Luhmann's autopoiesis. The effects of legal communication can be considered more panoramically when detailing the system of communication blocks of various natures, which is conceptualized on the basis of R. Dahrendorf's theory of social conflict. Structural analysis of communication is both a strategy for detailing its features and a methodological technique for expanding theory through new projects of methodological syntheses with social theories.

Keywords: philosophy of law; theory of law; communicative theory of law; legal communication; communicative chain; medial turn.

To cite this article:

Tikhonova SV. A.V. Polyakov's communicative theory of law in the conditions of the medial turn: structural points of growth. *Russian journal of legal studies*. 2023;10(1):37–44. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS181130>

Received: 12.01.2023

Accepted: 03.02.2023

Published: 31.03.2023

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникативная теория А.В. Полякова возникла на рубеже тысячелетий и была подчинена задаче построения интегрального правопонимания. Общий контекст ее появления определялся потребностью систематизации различных типов правопонимания и поиска некоторого доктринального компромисса между ними. Медиальный поворот, связанный с тотальной интернетизацией правоотношений, ставит перед этой теорией новые вызовы, актуализируя тем самым вопросы о возможностях дальнейшего развития теории, в ходе которого может быть уточнено определение феномена правовой коммуникации через дополнительную разработку его признаков. Преимущества и границы применимости коммуникативной теории права А.В. Полякова многократно обсуждались, среди самых значимых обсуждений — двухтомная монография «Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции» [1]. Интегративный потенциал рассматриваемой теории и ее востребованность в модернизации категориального аппарата теории государства и права заслужили высокую оценку. Однако она не означает отказа от дальнейшей концептуализации доктрины А.В. Полякова, ее собственно коммуникативно-теоретической проработки. Здесь возможно структурное направление анализа, ориентированное на выявление открытости основных постулатов теории. Целью данной статьи является его осуществление в соответствии с базовыми элементами коммуникативной цепи (коммуниканты, канал, сообщение, эффекты). Они будут применены для определения потенциальных точек роста коммуникативной теории права в условиях медиального поворота, которые будут интерпретированы как группы следствий базовых положений рассматриваемой теории.

Первая группа следствий: коммуниканты

Первая группа следствий касается коммуникантов, в зависимости от числа и соотношенности которых формируется структура правовой коммуникации. Модель А.В. Полякова принципиально полисубъектна. Как отмечает Ю.Ю. Ветютнев, полисубъектность является одним из основных преимуществ коммуникативной теории права, поскольку позволяет отказаться от одностороннего понимания правового регулирования, учесть обратную связь и обменную природу права [2, с. 216]. А.В. Поляков, описывая субъектный состав правовой коммуникации, оперирует понятием «Другого». В частности, автор утверждает, что в основе идеи правовой коммуникации лежит «представление о необходимости Другого как соучастника правой реальности при одновременной „заданности“ такой реальности „объективными“ правовыми текстами» [3, с. 106]. Другой в данном случае выступает знаком общества, в текстах А.В. Полякова часты отсылки к обобщенному, социальному характеру Другого [например, 3, с. 107], при этом общение автор интерпретирует

как обыденную, упрощенную версию социальной коммуникации, рассчитанную на личное взаимодействие [3, с. 95]. Действительно, в современной социальной теории собственно социальным считается взаимодействие, которое включает минимум трех участников. Взаимодействие в парах рассматривается в рамках психологии личности, триада меняет эмоционально-психологические связи, добавляя к ним фигуру свидетеля, гаранта или арбитра, превращая их тем самым в связи социальные. Другой может быть реальным, потенциальным или воображаемым, независимо от его конкретных ролей его участие модифицирует отношение между участниками, меняет их ожидания, проекты и цели. Фигура Другого вносит во взаимодействие нормы и ценности, легитимирует принимаемые правила. Поэтому для правовой коммуникации социальность неизбежно означает множественность коммуникантов и обязательность возможности потенциального включения других субъектов. Как фигура Другого влияет на структуру правовой коммуникации?

Если бы речь шла о построении строгой дедуктивной теории правовой коммуникации, все разнообразие правовых интеракций можно было бы свести к единой модели коммуникативного действия. Теория коммуникации знает три таких модели: объект-субъектное подражание (реципиент забирает смыслы у коммуникатора), субъект-субъектный диалог (коммуниканты обмениваются смыслами), субъект-объектный монолог (коммуникатор передает смыслы реципиенту). Принципиальное отличие первой и третьей модели заключается в специфической роли коммуникатора в подражании — он вообще может не знать о том, что реципиент с ним взаимодействует, поскольку здесь коммуникация может устанавливаться через наблюдение и не предполагать полноценных социальных интеракций. В позитивистском правопонимании доминирует монологическая модель правовой коммуникации — законодатель устанавливает норму права, которую субъекты права должны осознать и принять в качестве руководства к действию. Так устанавливается императивная модель правоотношений. В юснатурализме господствует диалогическая конвенциональная модель правовой коммуникации: равные автономные субъекты учреждают правовую норму, которой они подчиняются. Так устанавливается диспозитивная модель правоотношений.

Свести друг к другу эти две модели невозможно, нарушение структурного баланса приведет к уничтожению одной из них. Противостояние двух великих подходов основано на принципиальном различии характерных для них моделей правовой коммуникации; позитивизму приходится обосновывать допустимость диспозитивной правовой коммуникации, например, через разграничение частной и публичной сфер права, юснатурализм выработал разные стратегии в обосновании особого статуса суверена. Однако для функционирования права требуются обе модели, возможно, объединяемые в синтетических

формах. Например, позиция А.В. Полякова, в которой законодатель и автономные субъекты подчиняются норме, осознаваемой ими как необходимой и общезначимой, стоящей выше их частных «воль», может быть приближена к нелинейной модели Осгуда — Шрамма, в которой возможна смена функциональных ролей коммуникантов и акцентируется процесс интерпретации смысла сообщений. Норма права в этом случае может быть обнаружена как статичный (устойчивый) компонент перехлеста рамок соответствия фондов используемых значений.

Отмечу, что коммуникативная модель подражания, играющая в правовой реальности гораздо более скромную роль, тем не менее также значима, поскольку проявляется в феноменах правовых рецепций и аналогий, приобретая особое значение в периоды реформ законодательства. Можно ли в этом случае говорить о правовой коммуникации, если для А.В. Полякова правовая коммуникация возможна только между субъектами права, но невозможна как коммуникация законодателя с самим собой? Скорее, в данном случае речь идет о коммуникации по поводу права. Вариативность моделей правовой коммуникации диктуется потребностями социальной жизни, необходимостью удовлетворения широкого спектра противоречивых и разнообразных видов социальных потребностей.

Работа фигуры Другого в праве имеет свою специфику по сравнению с ее ролью в социальных отношениях. А.В. Поляков неоднократно подчеркивает динамичность, сложность, процессуальность правовой коммуникации: «Коммуникация, следовательно, представляет собой определенный законченный цикл и есть целостность, порождающая другую коммуникативную целостность. Коммуникация — это не факты-вещи, а процессы-события» [3, с. 99]. Теоретик выстраивает картину многовекторной правовой коммуникации, в которой отдельные коммуникативные акты связаны, сопряжены друг с другом, на них опираются и их порождают. Участники правовой коммуникации всегда являются субъектами права, однако признание за субъектом права роли правового коммуниканта не означает определение фиксированной коммуникативной роли (допустим, коммуникатора или реципиента). Субъекту права доступны разные коммуникативные роли в правовой коммуникации, и в конкретном правоотношении субъект права может играть либо пассивную, либо активную роль. Вариативность коммуникативных ролей коммуникантов в правовой коммуникации означает наличие типовых коммуникативных отношений при одновременной возможности перехода в коммуникацию разных типов, принципиальную возможность участия в разных ее моделях. Кроме того, субъектный состав правовой коммуникации также вариативен — конкретный коммуникативный акт может иметь разный набор участников, от одного до многих.

И здесь возникает вопрос о коммуникативной роли Другого в правовой коммуникации. Является ли Другой

контрагентом по коммуникативному акту? Онтологические теории коммуникации в философии именно так определяют партнера по коммуникации, например, диалогическая концепция М. Бубера в качестве Другого определяет Ты, того, кто не Я и не Оно [4, с. 15–92]. Другим оказывается партнер по живому межличностному общению экзистенциальной коммуникации, контрагент. Однако роль Другого в правовой коммуникации воспроизводит общую логику социальной коммуникации, где конкретный коммуникативный акт протекает между условными двумя, каждый из которых связан другими коммуникативными актами с третьим, Другим. Другой — это участник других актов правовой коммуникации, инфраструктурных или порождающих для конкретного акта правовой коммуникации, от воли, интересов или функции которого зависит ее конечная успешность. Для того, чтобы правовая коммуникация существовала как целостная система, фигура Другого должна быть фигуративной, т.е. ее размещение в опорных коммуникативных актах должно быть типизировано.

Вторая группа следствий: каналы

Вторая группа связана с каналом правой коммуникации. Канал объединяет материальные носители сигналов и их символическую функцию, способность через комбинаторику материальных объектов и процессов передавать смысл. Поскольку коммуниканты «входят» и «выходят» из фигур (коммуникационных структур) правовой коммуникации в зависимости от своих потребностей, presupпозиция Другого не является исключительным условием единства системы правовой коммуникации. Ключевая роль здесь принадлежит самореференции — способности правовой коммуникации самообосновываться через ссылку на себя же. Строго говоря, одна правовая коммуникация ссылается на другую правовую коммуникацию (иногда — на самое себя), однако эти ссылки всегда находятся внутри системы. Самореференция есть неотъемлемая часть процесса аутопойэзиса социальных систем, в рамках конструктивистской эпистемологии отстаивается тезис о том, что мы знаем только вовлеченную в конструктивный (рекурсивный) процесс реальность [5, с. 99]; в текстах Н. Лумана самореференция обозначает обращение системы к самой себе, то есть ссылку на саму себя [6]. Сущность самореференции раскрывается в понятии кода: «для возникновения права важно... знание специального кода, позволяющего общепризнанным способом определять правовое и неправовое, права и обязанности адресатов и действовать соответствующим образом» [3, с. 103]. Код включает в себя как набор значений, закрепленных за символами, так и правила их организации в осмысленное целое. Семиотические исследования правовых норм акцентируют распространение принципов лингвистической нормативности на нормы права [7]. Специфика правовой самореференции требует самостоятельного изучения, однако очевидно, что ключевое значение для ее

понимания имеют процедуры юридической техники и толкования права.

Особую важность в данном контексте приобретает разработанная А.В. Поляковым концепция видов и связи правовых текстов. Имплицировано она базируется на тезисе о строго формализованном характере текстового кода правовой коммуникации. Формализация предполагает изложение предметной области посредством конкретного языка. Как отмечает Ю.Ю. Ветютнев, форма правовой коммуникации представляет собой «общий режим отчетливой определенной речи и поведения людей», комбинирующий языковую, документальную, процедурную и визуальную формы [2, с. 222–224]. Для концепции А.В. Полякова характерна высокая значимость концепта «текст». Социальную коммуникацию он трактует как единство трех аспектов: текстуального (совокупность знаковых комплексов), ментального (когнитивно-эмоциональное осмысление и оценка текстов), прагматического (взаимодействие субъектов) [8, с. 9]. Действие правовой системы охватывает три стадии. Первая — создание текстовых «матриц»; вторая — когнитивное конструирование правовой нормы на основе воздействия правовых текстов на сознание субъектов; третья стадия — актуализация правоотношениями нормы права в действиях [9]. Первичные тексты определяют саму возможность существования субъективных прав, вторичные их конкретизируют [10, с. 48–49]. Первичные правовые тексты источников права и политических текстов государственной власти виртуальны, правовые тексты, создаваемые практикой реализации прав и обязанностей, актуальны [3, с. 98]. Виртуальные и актуальные тексты соединяются в процессе реализации живой нормы права, «оживающей» в сознании действующего субъекта права и его поступках. Переход из текстуальной статики в поведенческую динамику требует осознанного применения правил правового кода, необходимых для согласования текстов разного порядка.

При этом текст трактуется А.В. Поляковым как естественный способ объективации права: «Никакое право не может существовать вне своего текста» [10, с. 48]. Перед нами широкое понимание текста, в котором он отождествляется с любой совокупностью знаков, включенной в процессы культурного семиозиса, и, по сути, в данном случае равнозначны понятия текста и сообщения. Но для многих теорий коммуникации, опирающихся на доктрину М. Маклюэна о революционных последствиях для культуры каждой технологически новой формы фиксации сообщения (устная речь, письменность, печатная книга, электронные формы коммуникации), характерно узкое понимание текста, в котором он прямо связывается с письменностью. Смешение этих двух подходов фактически приводит к утверждению текста как единственной формы сообщения — потенциальность других способов не отрицается, но при этом они не изучаются. С одной стороны, у этой позиции есть серьезные основания, поскольку для современной российской правовой

системы характерна текстуальная форма законодательства и правовой доктрины. С другой стороны, обращение к классическим формам права показывает связь некоторых из них с каналом устной коммуникации и символическими действиями. Как минимум правовой обычай может бытовать и в устной форме, которая и была единственно возможной до появления письменности. Может ли использоваться отличный от печатного текста канал для объективации правовой коммуникации? Для А.В. Полякова текст — это любой знаковый комплекс, способный порождать смысл в сознании интерпретатора, к которому относятся как сборники законодательства, так и сигналы светофора, или даже выражение лица человека. Но что происходит с правовой коммуникацией, когда ее начинают опосредовать современные цифровые формы? С этой точки зрения интересна концепция «юридического интерактивизма» Д. Хоуса, описывающая возможность применения интернет-технологий для создания новой (электронной) формы права [11]. Хоус сопоставляет особенности коммуникации в архаическом обществе и глобальной «кибердеревни» современности, показывая, что для этих моделей социальности характерны модели коммуникации, радикально отличные от способов создания и обнародования законов в западноевропейских обществах. Пытаясь применить выделенные Л. Фуллером восемь принципов создания законов (всеобщность, обнародование, запрет обратной силы, ясность, отсутствие противоречий, выполнимость, неизменность во времени, соответствие действий и деклараций) [12, с. 41, 46–91] к устным обществам, Хоус показывает несостоятельность большинства из них в условиях отсутствия текстовой коммуникации. Разумеется, распространение нетекстовых каналов в структуре правовой коммуникации возможно только в случае их пригодности к четкой формализации, которая может обеспечиваться, допустим, визуальными или процедурными формами. Коммуникативному подходу к формам права только предстоит дать ответ на вопрос о трансформации правовой коммуникации в условиях цифровой революции, однако имеющийся историко-правовой и антрополого-правовой материал позволяет сделать вывод о том, что правовая коммуникация принципиально способна выходить за рамки текста как письменного сообщения. Любая форма сообщений, известная коммуниканту, пригодна для процесса правового семиозиса (текста в широком смысле), понимаемого как порождение и осознание смысла права познающим субъектом. Но есть ли у электронных форм своя, особая специфика?

Третья группа следствий: сообщение

Третья группа связана с сообщением. Сообщение объединяет организованную по правилам кода материальную компоненту и вложенный в нее смысл, учитывая смысл исходный, сформулированный коммуникатором, и смысл конечный, воспринятый реципиентом. Как показывалось выше, содержанием правовой коммуникации

в коммуникативной теории права А.В. Полякова являются правомочия и правовые обязанности субъектов, при этом речь идет именно об осознании коммуникантами правомочий и обязанностей, отражаемых сообщением. Вообще говоря, осознание как специфическая деятельность субъекта права, вероятно, является специфическим «центром силы» концепции А.В. Полякова. Поскольку анализируемая версия коммуникативного правопонимания разрабатывалась в русле социальной феноменологии, коммуникативность самосознания, обеспечивающая способность понимания и взаимопонимания, акцентирует значимость обращения к формированию убежденности коммуниканта в существовании права: «право есть только там, где люди убеждены, что оно есть» [3, с. 101]. В этом аспекте оно существует по логике сформулированной Р. Мертоном теоремы Томаса, согласно которой, если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации реальны в своих последствиях. Опираясь на правовые тексты, коммуниканты понимают некий смысл как право и передают свое убеждение контрагентам. Право как интерсубъективный смысл создается познающим мышлением, утверждающим справедливость в процессах взаимного признания, взаимного понимания, взаимной удовлетворенности. Это интерсубъективное измерение правогенеза задано характерной для мысли А.В. Полякова укорененностью в феноменологической концепции интерсубъективности социального мира, в которой индивид включается в общность с Другими, совместно с ними производя смыслы, отражающие их общую реальность. Такой подход легко сводится к субъективному измерению правогенеза, к установлению правового смысла познающим сознанием, но он гораздо шире, поскольку сознание в данном случае в чисто гуссерлевской логике всегда не только мое, в нем естественным образом воспроизведены сознания гипотетических Других, оно социально и, следовательно, объективно. Не случайно И.Л. Честнов подчеркивает значимость интерсубъективности в коммуникативном правопонимании для сплавления субъективного и объективного аспектов бытия права [13, с. 23].

Каждый участник правовой коммуникации несет не солипсическую правовую идею, отражающую статическую формулу его субъективных прав, но непрерывно уточняет ее, калибрует в процессе взаимодействия: «коммуникация определенным образом перестраивает сознание коммуникантов, адаптирует их друг к другу» [8, с. 9]. Понимание права не предпослано коммуникатору до инициации коммуникативной цепи, не отнесено исключительно к реципиенту после ее завершения. Оно непрерывно мерцает, интерферирует (Н. Луман) на протяжении коммуникативного акта, вовлекая в процесс интерференции всех участников. Это мерцание не обязывает исследователя отказываться от последовательного хронологического анализа цепи коммуникативного акта во времени. Но им нельзя пренебречь в стремлении к установлению сущности правовой коммуникации.

Четвертая группа следствий: эффекты

Последняя группа связана с эффектами правовой коммуникации. Эффекты могут быть ментальными (изменение содержания сознания, появление новых знаний или изменение знака оценки в этих знаниях) и поведенческими (изменение поведения, совершение поступков или отказ от их совершения). Проблема осознания обеспечивает выход на новую трактовку эффектов правовой коммуникации. Феноменологическая интерпретация нацелена на финальное совпадение исходного и конечного пониманий права коммуникантами. Но эта коммуникативная ситуация играет роль скорее гипотетического идеала, поскольку спектр эффектов правовой коммуникации охватывает не только сознание, но и поведение людей. Более того, именно поведенческие изменения в эффектах правовой коммуникации играют ключевую роль. Роль права как социального регулятора в первую очередь связана с его способностью устанавливать рамки для поведения индивидов, ограничивая их деяния, если они несут в себе общественную опасность.

Для А.В. Полякова крайне важно посредством социально-феноменологического анализа правогенеза подчеркнуть легитимный характер правового принуждения, поскольку прямое насилие, в том числе осуществляемое государством под прикрытием права (хорошо известное на примере нацистского режима), не перестает быть насилием и произволом, разрушающим социальность и требующим реабилитации пострадавших. Эта позиция сближается с положениями коммуникативной теории права М. ван Хука, согласно которой «эффективность санкций и принуждение в любом случае играют ограниченную роль в праве» [14, с. 53], поскольку чаще всего люди «следуют» нормам права, потому что их признают или потому что они дают больше преимуществ. Но А.В. Поляков идет дальше, настаивая на том, что «отношение к человеку как к цели — это субъект-субъектное отношение, в отличие от инструментального субъект-объектного отношения, в рамках которого отсутствует коммуникация. Поэтому не может быть правовым, например, распоряжение оккупационных властей, требующее соблюдения комендантского часа под угрозой расстрела. Такое распоряжение, порождая информационную коммуникацию, не порождает правовую коммуникацию» [15, с. 64]. Когда законодатель принимает норму об уголовном наказании, устанавливается легитимная правовая коммуникация на основе содержащего норму закона, «исходящего от законной власти, требованиям которой необходимо подчиняться как власти „своей“, действующей в интересах всего общества, власти «публичной» в исконном смысле этого слова» [15, с. 64].

Тем не менее специфика правовой коммуникации во многом связана с принципиальной возможностью блокировать конкретные коммуникативные (социальные) акты, ограничивать коммуникативную активность коммуниканта. В этом контексте показательно развитие теорий

социального конфликта во второй половине XX в.: Р. Дарендорф не только выдвинул свою концепцию социального конфликта [16; 17], но и предложил институализируемый набор процедур по его разрешению, ориентируясь на практику гражданского судопроизводства. Ядром концепции Дарендорфа является добровольное подчинение участников конфликта решениям признаваемого ими арбитра. В этом случае социальность современного общества «учит-ся» у права, отказываясь прибегать к монополизированному государством насилию и опираясь на диспозитивную модель правовой коммуникации диалога.

Вместе с тем государство в лице компетентных органов и представляющих их должностных лиц также является участником правовой коммуникации. Интеракции, предполагающие возможность применения государственного принуждения, входят в ее систему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идентификация коммуникации в качестве правовой невозможна только по одному ее элементу, так как осознаваемые коммуникантом правомочия и обязанности (отличительная черта правовой коммуникации в концепции

А.В. Полякова) не локализованы в одном-единственном элементе коммуникативной цепи. Тем не менее в правовой коммуникации есть семантическое и аксиологическое ядро, в котором его сущность реализуется максимально полно. Рассмотренные группы следствий коммуникативного правопонимания одновременно выступают точками его методологического роста. По результатам проведенного анализа можно установить такие фундаментальные свойства правовой коммуникации, как полисубъектность, полифигуративность, самореферентность, потенциальная многоканальность, результативность. Эти свойства могут быть раскрыты только на платформе постнеклассической плюралистичной методологии, позволяющей дополнять собственно юридическую методологию широким спектром методов теории коммуникации. Коммуникативные исследования в правоведении, таким образом, способны установить, кто создает право, какие инструменты для этого использует и к каким последствиям для социальной системы приводит. Полученные результаты при этом всегда будут служить гуманистическому развитию права, показывая его антропоцентрично, как результат активности человека, направленной на улучшение его собственной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. / под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. Т.1. 533 с.; Т. 2. 373 с.
2. Ветютнев Ю.Ю. Морфологические аспекты правовой коммуникации // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. / под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова, Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. Т. 1. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 216–224.
3. Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 90–135.
4. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М., 1995. С. 15–92.
5. Анохин В.Б., Божко Н.Ю., Морозова Н.А. Самореферентность как философская проблема: кибернетика второго порядка, эволюционная и радикальная эпистемология, теория хаоса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 6. С. 94–99.
6. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
7. Невважай И.Д. Классификации норм в семиотической концепции норм // Сборник трудов международной научной конференции. «Мир человека: нормативное измерение – 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь». Саратов, 27–29 июня 2019 г. С. 38–49.
8. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права // Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 7–10.
9. Поляков А.В. Право и коммуникация // Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 11–32.
10. Поляков А.В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека // Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 33–54.
11. Howes D. e-Legislation: Law-Making in the Digital Age // McGill Law Journal / Revue De Droit De McGill. 2001. Vol. 47. P. 39–57.
12. Fuller L.L. The Morality of Law, rev. ed. New Haven: Yale University Press, 1969. 276 p.
13. Честнов И.Л. Перспективы постнеклассической коммуникативной теории права // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. / под ред.

М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. Т. 1. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 20–32.

14. Хук ван М. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова, А.В. Полякова. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та; ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.

15. Поляков А.В. Признание права и принцип формального равенства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 6(323). С. 55–77.

16. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт // Иностранная литература. 1993. № 4. С. 236–242.

17. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.

REFERENCES

1. Antonov MV, Chestnov IL, Lukovskaya DI, Timoshina EV, editors. Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennye problemy yurisprudencii. K 60-letiyu Andrey Vasil'evicha Polyakova. Kollektivnaya monografiya. In 2 vol. Saint Petersburg: Alef-Press, 2014. Vol. 1. 533 p; Vol. 2. 373 p. 373 p. (In Russ.).

2. Vetyutnev YuYu. Morfologicheskie aspekty pravovoj kommunikacii. In: *Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennye problemy yurisprudencii. K 60-letiyu Andrey Vasil'evicha Polyakova. Kollektivnaya monografiya.* In 2 vol. M.V. Antonov, I.L. Chestnov, D.I. Lukovskaya, E.V. Timoshina, eds. Vol. 1. Saint Petersburg: Alef-Press, 2014. P. 216–224. (In Russ.).

3. Polyakov AV. Proshchanie s klassikoj, ili kak vozmozhna kommunikativnaya teoriya prava. *Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy.* Saint Petersburg: Alef-Press, 2014. P. 90–135. (In Russ.).

4. Buber M. Ya i Ty. *Dva obraza very.* Moscow, 1995. P. 15–92. (In Russ.).

5. Anohin VB, Bozhko NYu, Morozova NA. Samoreferenciya kak filosofskaya problema: kibernetika vtorogo poryadka, evolyucionnaya i radikal'naya epistemologiya, teoriya haosa. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk.* 2009;6:94–99. (In Russ.).

6. Luhmann N. Real'nost' massmedia. Moscow: Praxis, 2005. 256 p. (In Russ.).

7. Nevvzhaj ID. Klassifikacii norm v semioticheskoj koncepcii norm. *Proceedings of the International scientific conference. Mir cheloveka: normativnoe izmerenie – 6. Normy myshleniya, vospriyatiya, povedeniya: skhodstvo, razlichie, vzaimosvyaz'.* Saratov: SSUA, 2019. P. 38–49. (In Russ.).

8. Polyakov AV. Kommunikativnaya koncepciya prava. *Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy.* Saint-Petersburg: Alef-Press, 2014. P. 7–10. (In Russ.).

9. Polyakov AV. Pravo i kommunikaciya. *Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy.* Saint Petersburg: Alef-Press, 2014. P. 11–32. (In Russ.).

10. Polyakov AV. Antropologo-kommunikativnoe obosnovanie prav cheloveka. *Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy.* Saint Petersburg: Alef-Press, 2014. P. 33–54. (In Russ.).

11. Howes D. e-Legislation: Law-Making in the Digital Age. *Mcgill Law Journal / Revue De Droit De Mcgill.* 2001;47:39–57.

12. Fuller LL. The Morality of Law, rev. ed. New Haven: Yale University Press, 1969. 276 p.

13. Chestnov IL. Perspektivy postneklassicheskoy kommunikativnoj teorii prava. In: *Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennye problemy yurisprudencii. K 60-letiyu Andrey Vasil'evicha Polyakova. Kollektivnaya monografiya.* In 2 vol. M.V. Antonov, I.L. Chestnov, D.I. Lukovskaya, E.V. Timoshina, eds. Vol. 1. Saint Petersburg: Alef-Press, 2014. P. 20–32. (In Russ.).

14. Hoecke van M. Pravo kak kommunikaciya. Saint Petersburg: SPbGU pbl, 2012. 288 p. (In Russ.).

15. Polyakov AV. Priznanie prava i princip formal'nogo ravenstva. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie.* 2015;6(323):55–77. (In Russ.).

16. Dahrendorf R. Sovremennyy social'nyj konflikt. *Inostrannaya literatura.* 1993;4:236–242. (In Russ.).

17. Dahrendorf R. Elementy teorii social'nogo konflikta. *Sociologicheskie issledovaniya.* 1994;5:142–147. (In Russ.).

ОБ АВТОРЕ

Софья Владимировна Тихонова, доктор философских наук, профессор; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>; eLibrary SPIN: 3813-6641; Scopus Author ID: 57191089147; Researcher ID: S-2386-2016; e-mail: segedasv@yandex.ru

AUTHOR INFORMATION

Sophia V. Tikhonova, doctor of philosophy, professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>; eLibrary SPIN: 3813-6641; Scopus Author ID: 57191089147; Researcher ID: S-2386-2016; e-mail: segedasv@yandex.ru